

Канат БУКЕЖАНОВ
ГИЛЬГАМЕШ
ИЗ КУКУРУЗНОГО ПЕРЕУЛКА

Окончание. Начало в № 1, 2024

СТАРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

История 1. Пластмассовая боль

Самое противное время – когда уже почти не болеешь, но мама еще относится к тебе как к больному. Ты ещё допиваешь назначенные лекарства. Шея ещё повязана надоевшим платком. Перед сном продолжают давать тёплое молоко с мёдом. А самое главное – нельзя гулять.

Сегодня Гилька решил поиграть в солдатики. Правила игры когда-то составил папа.

Расставляешь на столе две армии, одну против другой. Потом бросаешь кубик. Какое число выпадет, столько шагов делает любой солдатик. Если выпала цифра шесть, ты можешь сделать один выстрел из пушки. Упал противник – имеешь право ещё раз бросить кубик.

Всё очень просто. Но когда с тобой играет папа, начинается настоящее сражение!

Папа играет как маленький. Он трубит губами или изображает барабан, кричит «Урр-ра!» и всегда дуется, когда проигрывает.

Но папа был занят, а играть с самим собой неинтересно.

Гилька начал расстреливать армию из пружинной пушки. Солдатики отлетали, отброшенные шариком, падали со стола.

– Ай-ай! – вдруг тихо произнес один солдатик, сраженный выстрелом. Конечно, это не солдатик сказал на самом деле, ведь солдатики из пластмассы не разговаривают. Сказал Гилька за солдатика, и губы его шевелились... Но при этом Гилька почувствовал, что так должен был сказать этот солдатик! И это было замечательное открытие.

Вообще-то, разговаривали все и всё! Шкаф говорил скрипучим голосом, когда открывали и закрывали его дверцу. Кран сразу начинал урчать о своей жизни, когда включали воду. Деревья говорили всегда и громко, когда проносился ветер. Но что могут говорить вещи, которым нечем было скрипеть, урчать или шелестеть, открылось впервые! И как-то вдруг!

– Мне больно, – сказал солдатик.

– Тебе не может быть больно, ты пластмассовый!

– А мне по-другому больно... Тебе по-человечески, а мне пластмассово!

Гилька улыбнулся. В пластмассовую боль не очень верилось. Но... вдруг на самом деле?

– Ты тут не скучаешь? – спросила мама, заглядывая в дверь.

– Мама, а может быть больно солдатiku, когда его роняешь? – спросил Гилька.

– Конечно, – ответила мама, – ведь он может сломаться.

– Мама! Он же пластмассовый, как же он сломается?

– Ну, знаешь, если много ронять, всё что угодно сломается.

Мама всегда так: говорит с тобой, а думает о другом, и может запросто сказать ерунду. Гилька пошел к папе.

Папа сидел у книжного шкафа, перебирая книги. Если папа не пишет, можно задавать вопросы. Потом, папа всегда так отдыхает. Книжки все уже были прочитаны, но он любил их перебирать и о чём-то думать.

– Папа, – сказал Гилька, – бывает пластмассовая боль?

– Как-как? – переспросил папа задумчиво, а потом удивленно посмотрел на Гильку. – Ты чего чепуху порешь? – спросил он, улыбаясь. – А ну, иди сюда!

Устраиваясь на коленях у папы и обнимая его одной рукой за шею, Гилька сказал:

– Понимаешь, у нас боль человеческая, а у пластмассы – пластмассовая...

– Ну, знаешь, – сказал папа, – есть такое понятие, старение материалов. Думаю, это и есть пластмассовая боль, или, вернее, болезнь. Но чтобы оно произошло, должно пройти очень много времени.

– А сколько? Больше, чем человеку?

– Гораздо, гораздо больше, – сказал папа. – Ну, иди, гуляй, мне надо подумать.

И Гилька пошел снова к себе, размышляя о том, как это плохо устроено, что люди не пластмассовые. Тогда бы они долго не состарились, и уж точно долго бы не болели.

Но если от старения происходит болезнь, то отчего он, Гилька, сейчас болеет? Может, и у него уже происходит старение материалов?

Гилька подошел к зеркалу, потрогал лицо, оскалил зубы, – вроде ни сколько не состарился... Вон у бабы Лены из девятнадцатой квартиры лицо совсем старое, с морщинками, а зубов и вовсе нету. Мама тоже каждое утро и вечер мажет лицо кремом. «Чтобы не было морщинок!» – сказала она, когда Гилька спросил, зачем мазать лицо кремом, когда от мамы и так всегда хорошо пахнет?

Взяв в ванной крем с маминой полочки, Гилька намазал нос и щеки и чихнул. Если помаленьку мазать лицо маминым кремом, старение материалов произойдет ещё не скоро! А не подействует ли этот крем на солдатика? Нет, наверное, не подействует.

– А вот если бабу Лену помазать этим кремом? – осенило вдруг Гильку.

История 2. Чудесный крем

– Не захочет, – сказал Чингизик, когда Гилька рассказал ему и Тимке, как попытаться остановить старение бабы Лены. – Она только рассердится.

– Почему рассердится? Мы же помочь хотим.

– Потому что она всегда сердится, когда нас видит, мы ей всегда мешаем...

– Вот если бы ты ей новый крем подарил... – предложил Тимка.

– У меня нет нового. Я и мамино не могу взять много...

– Тогда надо обмазать её, когда она спит. Мы так девчонок пастой мазали, когда я в больнице лежал.

– А если проснётся? Ой-ой-ой как рассердится, – испуганно сказал Чингизик и улыбнулся. Чингизик вообще мало чего боялся, а если боялся, то очень недолго.

– Не рассердится, – настаивал Тимка. – За это время морщинки пропадут, она и обрадуется.

– Не бывает так, чтобы морщинки сразу пропали, – засомневался Гилька.

– Надо хотя бы три раза мазать...

– Бывает! Не видел рекламу «до и после»? Там тётку показывают уже старую, жуть, а потом мажут кремом, и оп-ля – она уже молодая!

– Тогда почему все бабки не помолодели? – Гилька уже начал сомневаться в своей правоте.

– Потому что у них денег нету на крем! – сказал Тимка, и все поняли, что он прав. Откуда бабушкам взять денег на крем?

Баба Лена всегда выходила во двор со своим стулом. Это было нетрудно, потому что жила она на первом этаже.

Если баба Лена выходила во двор, то к ней в компанию потом подтягивались другие бабушки. Они чинно располагались на лавочке, в руках держали палочки и выглядели очень важно.

– Это не бабушки, а какой-то совет министров! – шутил Гилькин папа, но, проходя мимо них, здоровался очень почтительно.

Так бабушки сидели с утра до обеда. Конечно, при хорошей погоде. Мама Гильки всегда выглядывала из окна и говорила: «Бабушки собираются, значит, погода не испортится!»

Непонятно как, но погоду бабушки знали лучше всех. Если по телевизору передавали на завтра «облачно, возможно осадки», но с утра баба Лена сидела на своем стуле, значит, телевизор ошибался. Телевизор ошибался часто, баба Лена – никогда.

К обеду бабушкин «совет министров», расходился по домам. После обеда выходила только баба Лена. Все остальные устраивали себе тихий час. Баба Лена любила дремать на воздухе.

И в этот раз тоже, усевшись поудобнее на своем стуле, запахнув на груди неизменную даже в жару шерстяную шаль, баба Лена начала тихо посапывать. Голова ее, покачиваясь, опускалась на грудь. Из кустов за этим следили шесть блестящих и зорких глаз.

– Всё, заснула! – сказал Чингизик.

– Подожди, пусть сильнее заснёт. Жди, когда начнет храпеть, – сказал Тимка.

Гилька молчал. Он сомневался.

Во всех играх почти всё придумывал Гилька. Он был теоретик. Чингизик и Тимка были практики. И какие! Особенно Чингизик. Ростом он был самый маленький, но самый решительный! И сейчас он первый крался к бабе Лене с тюбиком крема в руках. За ним шел Тимка.

Гилька плёлся последним. Подобравшись к дремлющей бабуле, Чингизик твёрдой рукой поднёс тюбик к её лицу и сделал первые мазки на лбу и щеках.

Потом кивнул головой Тимке. Тимка сразу стал размазывать крем. Уже на лбу и щеках крем был размазан. Можно было уходить. Но Чингизик, охваченный каким-то отчаянным вдохновением, протянул руку и сделал мазок на кончике бабушкиного носа.

Баба Лена вдруг перестала храпеть, задышала часто-часто и чихнула. И тут же открыла глаза. Чингизик, Тимка и Гилька застыли на месте.

Баба Лена вытерла нос, поглядела удивлённо на ладонь, потом на ребят и сказала:

– Вы что творите, антихристы?

– Атас! – крикнул Тимка и бросился бежать.

Гилька и Чингизик не отставали.

– Нам хана! – задыхаясь, крикнул Тимка и остановился.

– Опырмай! – застонал Чингизик. – Самый большой хана!

Гилька только кивнул. Ведь баба Лена всех видела.

До ужина ребята сидели в овраге, а потом – делать нечего – пошли домой, навстречу своему наказанию.

Гильке было легче, чем другим. Ему грозил строгий разговор с мамой, редко – стояние в углу. Но Чингизика и Тимку дома ждала серьезная трёпка.

История 3. Разговор

– Ну, – строго спросила мама Гильку, – кому первому пришла идея мазать бабу Лену моим кремом? Уж, наверное, это придумали не Тимка с Чингизиком.

– Я же хотел только остановить старение материалов, – вздохнул Гилька и засопел. – Чтобы как в рекламе: оп-ля, и готово!

– Что-о? – удивилась мама и расхохоталась. – Мой сын решил стать геронтологом!

– Кем-кем?

– Геронтолог, Гилька, это учёный, который работает над проблемой старения.

– Значит, это хорошо?

– А баба Лена вас об этом просила?

– Мы же хотели, чтобы она обрадовалась!

– Гилька! – сказала мама. – Вы так обрадовали бабу Лену, что у неё чуть приступ не случился! Марш в угол, за буфет.

И Гилька отстоял в углу до прихода папы. Папа сегодня опоздал на ужин, потому что было много работы в библиотеке.

– За что стоишь? – спросил он.

– Он хотел омолодить бабу Лену! – ответила за Гильку мама и рассказала папе всё сначала. Папа так долго смеялся, грохоча, как бочка, что мама даже рассердилась.

– Какое может быть у человека воспитание, если ты объективно поощряешь его своим смехом! – возмутилась мама.

– Извини, Соня, но это же анекдот! – застонал папа, смеясь и утирая глаза от слёз.

– Бабе Лене было не до анекдотов. И мне тоже было очень стыдно...

– Да, да, – ответил папа, пытаясь выглядеть серьёзным, – ты права.

– Мы же думали, что потихоньку лучше, – сказал Гилька, – она же всегда сердитая...

– Гилька, Гилька, – папа притянул его к себе. – Помни, что никого нельзя осчастливить против его воли.

– Как это?

– Ну, например, если я тебе дам клубничное мороженое без спроса, ты обрадуешься?

– Спрашиваешь. Конечно, обрадуюсь!

- А если ты хотел не клубничное, а шоколадное?
– Ну так ты спроси у меня!
– Вот в том то и дело. Это и есть воля. Я у тебя спрашиваю, а ты говоришь – хочешь или нет.
– Всё равно непонятно! Почему баба Лена не хочет избавиться от морщинок?
– Баба Лена прожила долгую и счастливую жизнь, – сказала мама. – Каждая морщина связана с ее памятью. Каждая напоминает ей что-то. Разве человек захочет отказаться от своей памяти?
– Тогда почему ты не хочешь ничего помнить? Ведь ты мажешь этот крем от морщин?
– Несносный мальчишка! – ответила мама. – У тебя вопросов больше, чем у меня ответов. Ну-ка, марш спать!
Уже засыпая, Гилька слышал, как мама всё еще рассказывала папе свой разговор с бабой Леной.
– Уже извинившись, я ей говорю: «Кстати, крем-то, баба Лена, отличный, и кожу разглаживает, и питает, хотите, я вам такой подарю?»
– А она?
– А она отвечает: «Спасибо, милая, не надо. Я с юности льняным маслом обхожусь, и всё как новая».
«Надо ей это масло подарить, – подумал Гилька. – Только где его достать?..»

НЕХОРОШЕЕ МЕСТО

История 1. Клад

В жизни каждого нормального мальчика наступает пора, когда он испытывает безумное желание пойти куда-нибудь и порыться в земле, чтобы выкопать спрятанный клад.

Марк Твен. «Приключения Тома Сойера»

- Гилька, выходи! – крикнул Тимка, когда Гилька перегнулся через перила на свист.
– Не могу! – крикнул Гилька. – Мама сказала уборку в комнате сделать.
– Выходи! Тут такое! Колькин папа клад нашёл!
Через пять минут Гилька был уже на улице, и они с Тимкой побежали к оврагу, где уже собралась толпа и приехала милиция.
– Опырмай! – крикнул Чингизик, увидев Гильку и Тимку. – Где ходите? Колькин папа целую коробку золота нашёл.
– Как нашёл? – спросил Гилька.
– Он холмик, с которого Колька прыгнул на велике, срыл, а под холмиком – клад! – сказал Тимка возбуждённо.
Тимка всегда хотел бы найти клад. А то в его копилке, куда шли все карманские деньги, которые давали родители, и те деньги, что он выручал за пустые бутылки, всё равно не набиралось на покупку велосипеда. А Колька уже почти угрохал второй велосипед, а теперь ему папа на радостях, может, целый мопед купит!
Надо же было Кольке два года спустя опять взяться за старое. Бобайша апай шла через овраг и видела, как Колька, разогнавшись на велике по тропинке вниз, взлетел на холмик и полетел – велосипед в одну сторону, Колька в

другую. Бобайша апаи сразу сказала об этом Колькиной маме. Колькина мама рассказала вечером папе, предварительно закатив взбучку сыну. Колькин папа, недолго думая, схватил лопату и срыл проклятый холмик. А там золото!

Ясно было одно – справедливости на свете нет, а есть одна лотерея.

– Плохие деньги! – сказала баба Лена, – Не будет от них счастья.

Её подружки из бабушкинского «совета министров» дружно закивали головой.

– Может, и место-то было нехорошее из-за золота того! – сказала одна.

– Точно проклятое! – авторитетно подтвердила баба Лена.

– Чепуха! – сказала мама, когда Гилька рассказал ей про слова бабы Лены. – Суеверие!

– Значит, Колькиному папе ничего за эти деньги плохого не будет? – спросил Гилька.

– Конечно! Просто купит что-то нужное для дома! Может, посудомоечную машину, ну и ещё что-нибудь.

– Так много денег? – удивился Гилька.

– Вполне достаточно, чтобы Колина мама была счастлива.

– А что, раньше она была сильно несчастлива?

– Почему? Это просто выражение такое, Гилька. Не придирайся к словам!

Но Гилька всё-таки понял. В этой жизни, чтобы мамы были счастливы – надо иметь много денег. Вон и папа в последнее время, принеся маме зарплату, выглядит всё более виноватым.

– Что поделаешь... – вздыхает мама. – Жизнь становится дороже.

– Хоть всё брось и иди торговать шмотками на базаре! – рычит папа басом, но видно, что он очень растерян.

Жизнь стала дороже. Это уже почувствовали и Гилька, и Тимка, и Чингизик.

Жизнь стала дороже, но интересней. Сколько всего разного теперь можно купить, имея лишние деньги. Новые картриджи к игровой приставке, воздушные пистолеты, которые выглядели как всамделишные и били пластмассовыми шариками далеко и больно, до синяков, а ещё комиксы и солдатики – монстры загадочной фирмы «Технолог». А ведь были такие ребята, которым купили даже свой компьютер!

– Так нечестно! – пробурчал Чингизик. – Наш клад Кольке достался.

– Почему это наш? – спросил Гилька.

– А потому, что мы для этого оврага столько старались, чтобы сделать его нормальным! Ты даже девчонку целовал!

Гилька покраснел и сжал кулаки. Друзья уже надоели смешками по поводу того случая с поцелуем, и ему даже пришлось драться с Тимкой из-за этого.

– Фигня всё это! – сказал мрачно Тимка.

– Что фигня? – почти одновременно выпалили Чингизик и Гилька.

– Всё фигня. И болтовня, что овраг нехороший. И про аномальное место.

И мы тоже лопухи были, что этому поверили.

– Точно! – горячо подтвердил Чингизик. – Зря только конфеты девчонке отдали, а Гилька даже её...

Раздался глухой звук. Это Гилька дал Чингизику по шее.

Чингизик засверкал глазами. Хоть он был меньше ростом и слабее Гильки, но ничего не боялся. Однажды он дрался даже с одним старшаком. Вернее, то была не драка, а избиение. На Чингизика сыпались тумачи, а он висел, вцепившись в левую руку обидчика зубами. Висел так долго, что большой пацан, испугавшись, начал кричать: «Мир, мир!» Когда Чингизик разжал челюсти, стало видно, что на руке большого мальчика набухал круглый синяк.

– Хватит вам! – сказал Тимка. Он был очень огорчён тем, что не он первый догадался скрыть этот злополучный холмик. – Всё равно клада нам теперь не видать!

– Наверное, место было нехорошим из-за клада. Мне дядя Мука рассказывал про пиратские клады. Там место становилось нехорошим.

– Как это? – спросил Чингизик. Он моментально забыл, что только что собирался драться с Гилькой.

– Пираты зарывали клады, и там обязательно что-то случалось. Люди ссорились, дрались и даже убивали друг друга. Так действует проклятие клада!

– Никаких кладов больше нет! – снова пробурчал Тимка. – Ни кладов, ни пиратов, ни проклятия.

– Тогда почему тётя Сима потеряла в овраге кошелёк? А баба Лена сломала ногу, а Колька упал и разбил голову и сломал руку? И всё одновременно! – не сдавался Гилька, вспоминая события двухлетней давности.

– Тогда скажи мне, откуда у нас пираты? У нас даже моря нет!

– Может, они приезжали сюда давным-давно. Зарыли клад, а вернуться не смогли. А может, это были не пираты вовсе, а разбойники. А разбойников везде было полным-полно. – Гилька говорил, всё больше убеждая себя, что именно так всё и было. – А может, они зарыли не один клад!

Чингизик восхищённо смотрел на Гильку. Не мог он долго сердиться на человека, который всегда придумывал всякие интересные штуки. Сам Чингизик никогда ничего не мог придумать.

– Значит, если там клад, то обязательно что-то случается? Люди ссорятся и даже хотят убить друг друга? – Тимка хитро улыбался.

– Конечно, – сказал Гилька. – Так действует проклятие.

– Тогда почему у нашего соседа дяди Вани всегда что-то случается? И всегда скандал, а жена Галка каждый вечер побитая? Может, у них клад спрятан на чердаке?

– Клады прятали давным-давно, – повторил Гилька. – А наш дом построили недавно. Понял?

– А что такое давно? – не унимался Тимка. – Год – это давно?

– Нет, конечно.

– А два года? – не отставал Тимка.

– Два года тоже недавно, – ответил Гилька.

– А восемь лет? – снова сказал Тимка. – Нашему дому восемь лет, а они приехали четыре года назад.

– Восемь лет – это давно, – задумчиво сказал Гилька. – Но для клада надо, чтобы очень давно. Например, тысячу лет.

– Почему?

– Что почему?

– Почему для клада надо, чтобы очень давно?

– Просто так положено.

– И ничего не положено, – Тимка прищурил глаза и сплюнул. – Если я зарю золотые монеты прямо сейчас, это будет клад или не клад?

– Клад, – сказал Гилька удивлённо.

– Опырмай! Точно, клад! – крикнул Чингизик.

– И не надо чтобы давно, клады могут быть в любое время и в любом месте.

– Как это? – спросил снова Гилька.

– А так! – Тимка сегодня явно был в ударе. – Если даже не зарывать, а спрятать. Это всё равно будет клад.

- Даже на нашем чердаке? – с надеждой спросил Чингизик.
- Везде, – сказал Тимка.

История 2. Сосед

Дядя Ваня жил на четвёртом этаже. Почти над дверью его квартиры находился люк чердака. Дядя Ваня присвоил себе большую часть чердака и устроил там мастерскую. Все, конечно, возмущались, чердак-то общий, но дядю Ваню побаивались.

– Зэк, – говорила баба Лена, – ему человека зарезать, что воды напиться. Ох, хлебнём ещё с ним. Дал Господь соседа, чтобы укрепить терпение наше.

А терпение действительно пришлось укреплять, особенно Тимкиным родителям. Потому что как раз над ними каждый вечер раздражалась гроза. Дядя Ваня пил, кричал, ругался. Жена его – Галка тоже кричала, ругалась и плакала. Слышен был стук и грохот. Часто Галка выбегала из квартиры и в чём была стучалась к соседям, чтобы укрыться. Иногда пряталась она и в Тимкиной квартире.

Однажды, когда дядя Ваня, шатаясь, колотил в Тимкину дверь, чтобы забрать свою Галку, Тимкин папа открыл и, встав в дверях, прохрипел: «Не посмотрю, что сосед!»

И дядя Ваня отступил.

И с той поры зауважал Тимкиного папу.

Звал его выпить вместе. Но Тимкин папа не пошёл. Видно было, что терпение его на дядю Ваню совсем кончилось.

Вот перед дверью этой квартиры и стояли теперь Гилька, Тимка и Чингизик. Люк на чердак оказался на висячем замке.

– Непохоже, чтобы такой человек клад спрятал, – сказал Чингизик шёпотом, глядя на грязную и чиненную-перечиненную дверь дяди Вани. Видно было, что дверь эту не раз уже ломали вдребезги, а потом снова сколачивали по кусочкам.

– А может, не он спрятал, – сказал Гилька, – может, те, кто до него здесь жили.

– А кто здесь жил? – спросил Чингизик Тимку.

– Я сам не помню, – ответил Тимка. – Говорят, хорошие люди были, тихие.

– Богатые? – спросил Чингизик с надеждой.

– Откуда я знаю! Но уж точно богаче дяди Вани. Хотя машина у них была. Мама говорила – шикарная.

– Наверное, торгаши какие-нибудь.

– Бизнесмены, – сказал Гилька, – если красивые пиджаки носили, точно бизнесмены.

– Я тогда под стол пешком ходил, – сказал Тимка, – поэтому ничего не помню.

Вдруг за дверью звякнула щеколда. Дядя Ваня, открыв дверь сначала оглянулся по сторонам, потом посмотрел на пацанов.

Ребята застыли.

Дядя Ваня был в синей грязной майке и в трико. Руки, плечи и видневшаяся верхняя часть груди тоже были синими, от сплошных рисунков.

– Вы чего тут делаете? – спросил он тихим шёпотом.

– Просто стоим, – сказал Чингизик.

Гилька и Тимка от испуга не могли говорить.

– Вот и стойте где-нибудь в другом месте, – уже громче посоветовал дядя Ваня. – Ну, чё застыли? Валите отсюда!

Ребята посыпались вниз на приличной скорости, выбежали из подъезда и остановились только когда добежали до оврага.

– Опырмай! Я чуть в штаны не наделал, – крикнул Чингизик, задыхаясь.

– Точно! – ответил Тимка и наклонился, опираясь руками об коленки, чтобы продышаться. – Ну, кто теперь хочет поискать клад на его чердаке?

– Там нет никакого клада, – сказал Гилька.

– Это почему? Сам же говорил – проклятие, – усмехнулся Тимка. – А теперь струсил?

– Да, – поддакивал Чингизик, – почему тогда их квартира такое нехорошее место?

– Просто дядя Ваня – нехороший человек, – ответил Гилька.

– Но ведь клады зарывают плохие люди? А дядя Ваня как раз такой, – сказал Чингизик.

– Почему? Если я зарю клад, что я стану плохим человеком? – спросил Тимка.

– Нет, – подумав, ответил Чингизик. – Ты хороший, и клад твой тоже будет хороший. И место, куда ты зарыл клад, тоже будет хорошее.

– Точно, – сказал Гилька. – Если хороший человек зароет клад, то не будет никакого проклятия.

– А если ты злой человек, как дядя Ваня, то проклятие будет, даже если и клада никакого нету!

Чингизик, сказав это, растерянно оглянулся. Ещё никогда он не произносил такие мудрые слова.

История 3. Под дубом

– Клад надо искать под деревом, – сказал Тимка. Они сидели в овраге под большим дубом. Идти домой не хотелось.

– Под каким деревом? – переспросил Чингизик.

– Под самым большим.

– Почему?

– Потому что оно самое старое и самое большое.

– Ну и что?

– Оно самое заметное и самое крепкое. Например, какое дерево может прожить дольше?

– Конечно, молодое!

– Нет, старое! Молодое может сломаться от снега или ветра, или его могут сломать люди. Нужна будет палка, вот и поломают. А старое будет долго жить, если не срубят.

– Наш дуб самый большой и старый. Может, под ним поищем?

– Ничего мы не найдём, – махнул рукой Гилька. Он расстроился от своего испуга перед дверью дяди Вани. Настроение упало.

– Если место нехорошее из-за клада, то тут может быть несколько кладов. Не может место стать плохим из-за одного клада.

Тимка, наоборот, уже начинал верить в Гилькину придумку и загорелся желанием найти ещё один клад.

– Да, – сказал Чингизик, – правильно говоришь.

– Место, по правде, очень плохое.

– Нужно лопату где-то доставать, – уныло протянул Гилька.

– У нас на балконе есть, – сказал Тимка, родители которого были дачниками и поэтому держали на балконе инструменты и груды всякого хлама, на всякий случай. – Чур, я принесу лопату, а вы будете копать!

– Хитрый! – крикнул Чингизик.

– Можешь не носить, – сказал Гилька. – Мне и искать больше не хочется.

– Ладно! – протянул Тимка. – Я же пошутил. Будем копать по очереди.

– А когда будем? – спросил Чингизик. Ему не терпелось сейчас же бежать за лопатой.

– Завтра после обеда. А то сейчас вечер. Сюда вечером старшаки приходят, – решил Гилька.

На следующий день после обеда собрались втроем у дуба.

Тимка принёс большую лопату и воткнул в землю.

– Где копать? – спросил Чингизик и схватился за лопату.

– Здесь и копай, – сказал Тимка.

– Почему здесь? – спросил Чингизик.

– Потому что мы не знаем где копать, значит, будем копать везде, – заявил Тимка.

– А сколько копать?

– До пояса, а может, и больше.

– Больше, – сказал Гилька. – Если пиратский сундук, то он большой!

Гилька улыбнулся. Он надеялся, что друзья оценят его шутку.

Не оценили. Чингизик начал копать. Он был маленький, а лопата большая и тяжёлая. И земля была твёрдая. Покопав немного, Чингизик бросил лопату и вытер пот.

– Теперь чья очередь? – спросил он.

– Да ты совсем маленькую ямку выкопал, – насмешливо сказал Тимка.

– Я посмотрю, какую ты выкопаешь! – рассердился Чингизик.

– Смотри! Вот как надо, – Тимка копал, ловко втыкая лопату и вгоняя её в землю толчками ноги.

Однако и он, выкопав яму до колен, устал и уселся на траву.

– Теперь ты, – сказал он Гильке.

Гилька копал хорошо, но неохотно. Он понимал, что так вряд ли кто может обнаружить клад. Наконец и он устал и бросил лопату.

– Надо искать холмик, – сказал он.

– Какой? Большой? – спросил Чингизик.

– Можно маленький, – ответил Гилька. – Тот холмик, который срыли, тоже вначале был, наверное, большой, а потом стал маленький.

– Почему? – удивился Чингизик.

– Потому что, когда идут дожди, земля оседает. Мне дядя Мука рассказывал, что даже дома могут под землю уйти.

– Наш тоже? – испугался Чингизик.

– Наш не уйдёт, а старые дома очень даже могут уйти.

Чингизик схватил лопату и огляделся. Весь овраг, казалось, состоял из очень маленьких кочек, поросших травой, но холмиков больше не было.

– Может, вот здесь? – сказал Чингизик и ткнул лопатой в ближайшую кочку.

– Или вот здесь? – он потыкал лопатой другую.

– Или здесь? – он ткнул наугад в третью.

Вдруг все явственно услышали металлический звук. Тимка и Гилька не успели вскочить, как Чингизик, взрыв кочку как крот, уже тряс в руках облепленную землёй жестяную банку.

– Я клад нашёл! – ликующе крикнул он, – Там что-то гремит!

Тимка, подбежав, попробовал вырвать банку из рук Чингизика, но Чингизик уворачивался, крутился юлой и кричал:

– Я нашёл, это я нашёл!

Наконец Тимка вырвал банку и, прижав к груди, сказал, задыхаясь:

– А лопата чья?

– А кто нашёл? – крикнул Чингизик, сверкая чёрными, как угольки, глазами.

Гилька смотрел, как его друзья собирались драться, и не знал, что делать. Наверное, вот так когда-то пираты ссорились из-за клада.

– Так нечестно, – крикнул Чингизик, – давай напополам!

– А лопата чья? – повторял Тимка, вцепившись в банку мёртвой хваткой.

– Моя половина больше должна быть!

– Стойте! – крикнул Гилька. – Мы вместе искали, значит всем поровну!

– Правильно говоришь! Гилька тоже вон сколько копал, – приободрился Чингизик.

– А лопата? – бормотал Тимка. Глаза его бегали по сторонам. – Моя половина больше.

– Всё равно ты ничего не возьмёшь, – сказал Гилька. – Мама говорила, что сначала милицию вызывают. А потом тебе деньги дадут, как приз.

– Моё золото! – крикнул Тимка. – Никакую милицию звать не будем!

– Какое такое золото? – раздался вдруг голос из-за зарослей конопли. Оттуда вышли Колька Масловский и какой-то чужой пацан.

– Эй, щегол, дай банку позырить, – произнёс чужой противным хриплым голосом.

– Это наша банка, – ответил Тимка осевшим голосом и оглянулся на Гильку и Чингизика.

– Наша банка, – подтвердил Гилька, – мы нашли.

– Да ты не бойся, – ласково ощерился чужой, – я только посмотрю, правда, Масло?

Колька кивнул и стал обходить ребят, отрезая дорогу к дому.

– Не трогай! – крикнул Чингизик и схватил лопату.

– Ну, щегол, затухни! – прошипел чужой и, вырвав лопату из рук Чингизика, толкнул его так, что тот кубарем покатился на землю.

Масловский обхватил Тимку руками и крикнул чужому:

– Хватай банку!

Чужой выкрутил банку из Тимкиных рук и замахнулся ею. В банке что-то громынуло.

– Смотри, Масло, и вправду клад! – сказал чужой.

– Везёт тебе на клады, фатовый!

Покрутив жестянку и так и сяк, чужой произнёс: – Это копилка, там, наверное, деньги. – Попробовал открыть и сплунул: – Заперто! Дай-ка сюда лопату. Сейчас я её сковырну!

Масловский подал лопату, и чужой, положив жестянку на плоский камень, два раза рубанул лопатой. Жестянка с грохотом покатила, и что-то просыпалось из неё на землю.

Старшие ребята склонились на неё, а потом пнули ногой и пошли по тропинке к шоссе.

– Эй, щеглы, налетай! – крикнул чужой. – Забирай свой клад.

Чингизик подбежал к жестянке и, растирая выступившие от обиды слёзы, склонился.

– Это стекляшки! – крикнул он.

Тимка и Гилька подошли к нему. На земле валялись битые стекляшки. Самые разные – красные, синие, зелёные, фиолетовые. Кто-то бережно спрятал в копилку битые осколки.

– А это что? – спросил Чингизик.

Чуть дальше в траве лежала, поблёскивая гранями, какая-то склянка. Ребята подняли её и рассмотрели. Это была какая-то пузатая и тяжёлая склянка из толстого стекла.

– Тьфу! – плюнул в сердцах Тимка и пошёл по тропинке к дому, не оборачиваясь. Его сильно огорчила потеря клада. Вернее, не клада, а самой мечты. Ведь он уже прикидывал в уме, что купит на своё неожиданное богатство.

Махнув рукой, Чингизик поплёлся за Тимкой. От пережитого волнения его вдруг покинули все силы. Гилька остался в овраге, сжимая в руке странную склянку.

Уже дома, дождавшись прихода папы, он, торопясь, рассказал о своих дневных приключениях и сунул в руки папы ту склянку.

– Ого! – сказал папа. – Вот это клад! Так это чернильница!

– Чернильница? – спросил Гилька.

– Да! Именно такую непроливайку я таскал когда-то в школу. Мы ведь писали, окуная ручки в чернила. Авторучки тогда были не в ходу. И я любил ещё смотреть сквозь такую чернильницу на солнце.

– Зачем? – спросил Гилька.

– Не знаю, – признался папа, – просто так. Наверное, нравилось преломление света через толстое стекло. Подаришь?

– Бери, – сказал Гилька. – Зачем мне она? Я думал, там клад, а там эта чернильница и стекляшки. Представляешь?

– Ну, Гилька. Это ведь на самом деле был клад.

– Как это?

– Ну, для маленького мальчика или девочки, зарывших в землю ту копилку, это и вправду был клад. Просто со временем меняются ценности. То, что для шестилетнего клад, для девятилетнего уже не клад. А то, что клад для девятилетнего, полная чепуха для восемнадцатилетнего.

– Но клад, который нашёл Колькин папа, он ведь для всех клад?

– Не обязательно. Есть люди, для которых золото не является абсолютной ценностью.

– Потому что они совсем старые?

– Нет, Гилька. Потому что они мудрые.

– А что такое мудрость?

– Ну ты, брат, задаёшь вопросы, – усмехнулся папа. – Трудно так просто ответить.

- Ну вот ты, например, мудрый?
 - Нет, брат, я ещё не достиг этого состояния.
 - Значит, для тебя золото – это ценность?
 - Не такая большая ценность, как твоя мама, например, но тоже не помешало бы. Столько всего можно сделать на эти деньги.
 - Например?
 - Например, купить настоящую яхту и поплыть в путешествие.
 - У нас же нет моря.
 - Так можно поехать.
 - Да-а! – протянул Гилька. – Всё-таки золото – это большая ценность.
 - Если только не терять из-за него головы, – сказал папа.
 - Как это?
 - Ну вот вы, например. Нашли клад и чуть было не подрались. А вы ведь были друзья.
- Гилька вспомнил Тимку, сжимающего банку в руках, и Чингизика с лопатой и вздохнул.
- Папа прижал его голову к себе и погладил своей большой ладонью.
- Иди-ка ты спать, кладоискатель.

Можу!

- А так можете?
- Тимка показывал, как свистеть двумя пальцами, Гильке и Чингизику. Засунув два пальца, указательный и средний, в рот, Тимка свистнул. Здорово свистнул!
- Ну, можете?
 - Можем, – ответил Гилька. И свистнул. Получилось даже лучше, чем у Тимки.
 - А четырьмя пальцами можешь? – Тимка немного огорчился, оттого что Гилька свистел не хуже.
- А Гилька, и правда, свистел неплохо, просто не хвастался этим, как Тимка. Свистеть Гильку учил дядя Мука, папин друг. Дядя Мука – бывший моряк и знает разные способы свиста.
- Можу! – Гилька сплюнул, чтобы потом свистеть было легче.
 - Надо говорить «могу», – поправил его Тимка.
 - А почему?
 - Как почему? Так правильно!
 - А вот и нет! Ты спросил меня – можешь? Я тебе говорю – могу! А если ты спросишь – можешь, я тебе скажу...
 - Могу! – крикнул Чингизик. – Опырмай! Всё правильно говоришь...
 - Так никто не говорит!
 - Я так говорю!
 - Это что, папа тебя научил?
 - Свистеть? Свистеть меня научил дядя Мука, он моряк.
 - Нет, не свистеть, а про «можу»?
 - Это я сам понял.
 - И что ты понял?
 - Что все говорят неправильно.
 - Опырмай! – восхитился Чингизик. – Все, все неправильно! А то мне всё время говорят: «неправильно сказал, неправильно сказал».
 - Все будут над тобой смеяться, – сказал Тимка.

- Пускай, значит, дураки.
- Это ты дурак, раз говоришь не как все!
- Ну и пускай, зато я говорю правильно, а все неправильно!
- Так не бывает! Все всегда правильнее, чем один!
- А вот и нет. Галилей был прав, а все не правы.
- Кто-кто?
- Это такой учёный, он доказал, что Земля вертится вокруг солнца.
- Врёшь!
- Не вру. Мне папа про него читал.
- Земля не вертится!
- Вертится!
- Нет, не вертится! Это солнце всходит и заходит!
- Неправильно.
- Можешь доказать?
- Мажу!

– Мажу, мажу, саплей дражу, – быстро сказал Тимка и вытаращил глаза, сам удивляясь тому, как ловко сочинился стишок.

– Повтори, что сказал! – рассердился Гилька. Драться с Тимкой он не хотел. Тимка был друг. Но Тимка был предатель.

– Мажу, мажу, саплей дражу! Вот! – Тимка громко выкрикнул свой стишок и что-то станцевал на месте.

Гилька ударил, метаясь в Тимкин глаз, но попал в нос, потому что Тимка всё время пританцовывал. У Тимки сразу пошла носом кровь, но он, размазывая её по лицу, бросился в драку.

– Ой-ой! А ну-ка прекратите драться! – крикнула баба Лена из окна первого этажа.

Гилькина мама, выглянув с открытого балкона, тут же побежала вниз.

– Ну, – сказала она, поставив на ноги двух драчунов, – что вы не поделили на этот раз?

– Он дразнится, – сказал Гилька.

– А ваш Гилька неправильно разговаривает, – возмущённо сказал Тимка, – и говорит, что это правильно, и что он как Галилей!

– И ты разбил нос Тимуру за то, что он дразнился? – мама Гильки прищурилась. Это означало, что она здорово сердита.

– А что же, ему спасибо сказать? – не сдавался Гилька.

– Спасибо можешь не говорить, а извиниться придется.

– Не буду, – пробурчал Гилька.

– Ну, тогда я извинюсь!

– Тимур, извини, пожалуйста, меня за Гильку, – произнесла Гилькина мама.

– Извиняю, – ответил Тимка серьёзно.

– Ну, тогда пойдем к нам, умоешься, и я постираю твою рубашку, а то у твоей мамы будет шок. И ты, Чингизик, тоже иди к нам. Я вас угощу пирожками с повидлом.

– С повидлом! – обрадовался Чингизик. – Я люблю с повидлом.

– А Гилька сегодня будет наказан, – сказала мама.

Наказание мама придумала жёсткое. Она отобрала новенькую игровую приставку «Денди» с пистолетом и целой коробкой патронов и засадила Гильку вырисовывать буквы в тетради для прописей.

Уже ночью, засыпая, он прислушивался к тому, что говорила мама, подавая папе его обычную ночную порцию кофе. Это означало, что папе надо поработать.

– Так вот, наш Гилька сделал великое научное открытие.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался папа.

– Что правильно надо говорить «можу», а не «могу».

– Ай да Гилька, молодец! Ты знаешь, в нём есть необыкновенная чуткость к словам. Будет из него филолог! Хотя кому теперь нужны филологи! – папа досадливо крикнул.

– Твой чуткий сын разбил нос мальчику! Такие вот филологические разборки.

– Да, конечно, кулаки – это не научный аргумент! – вздохнул папа. – Но он всё-таки мальчишка!

– А всё же крепкий у меня растёт орешек! – сказал он потом.

Что ответила ему мама, Гилька не слышал, потому что она закрыла кухонную дверь и голоса сразу зазвучали глухо и непонятно.

Гильке было приятно, что папа его похвалил, хотя филологом быть он не хотел. Гилька знал, кто такой филолог. Это папа, который вечно возится со словарями и энциклопедиями, а потом пишет что-то ночами и пьёт кофе.

Гилька, наверное, хотел бы быть моряком, или пчеловодом. Или лучше стать сразу и моряком, и пчеловодом.

Гилька спал и видел сон, где он в сетчатой, пчеловодческой маске ходил с Тимкой среди ульев, а вокруг жужжали пчелы. Они кружили над Тимкой как маленькие вертолёты и спрашивали Тимку: «Мож-жжешь?»

– Можу! – отвечал Тимка.

И Гилька, улыбаясь, кивал головой и говорил:

– Он может!

Что именно Тимка может, Гилька не успел запомнить, потому что сон унёс его в большой яблоневоый сад, и у яблок был такой сладкий аромат, что Гилька сразу потянулся обеими руками к ближайшему большому и красному яблоку.

Но что это? Чем сильнее тянулся Гилька, тем сильнее вырастал. И тогда, забыв про яблоки, Гилька начал тянуться вверх обеими руками и расти, расти...

И вот он уже выше всех деревьев! Внизу маленьким человечком забегал Тимка и кричал:

– Гилька! До неба можешь?

И Гилька потянулся обеими руками к небу и понял, что может и уже почти дотянулся до пушистых облаков.

– Можу! – крикнул он и улыбнулся.

Стало так хорошо на душе, что из глаз почему-то закапали слезы. Гилька во сне улыбался, а по щекам текли слёзы.

Гилька рос.

